

И. В. ИГНАТЬЕВЪ.
Спб., 6-я Рожд., 27.

РЮРИК ИВНЕВ

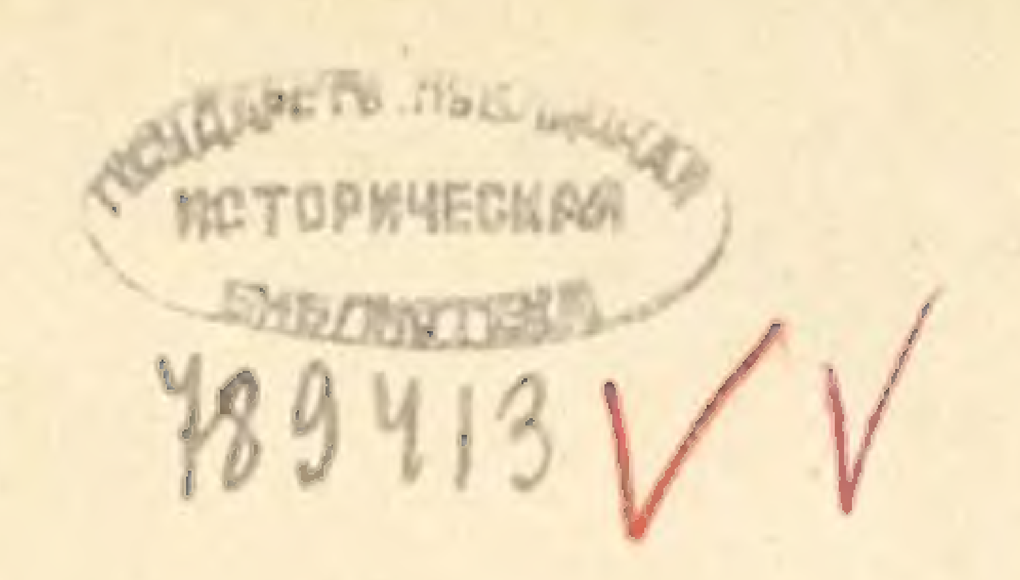
САМОСОЖЖЕНІЕ

(откровенія)

ЛИСТ 2

КН. I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ 1914

Через слезы, через кровь, через боли
Я к пристани тихой приду,
В своей перемѣнчивой долѣ
Я стороны хорошія найду.

И буду довольствоваться малым,
И тихія слова понимать.
Весною питаться снѣгом талым,
И нищенку обнимать.

Насмѣшки, ядовитыя шутки
Я съ улыбкой отстраню.
Мой близкій, мой дальній, мой чуткій,
Я свое прошлое хороню.

Я буду ждать нашей встрѣчи
И чётки перебирать.
Будут медленно таять свѣчи
И огоньки дрожать.

Книгу маленькую держать я буду
На колѣнях худых.
Я слов никогда не забуду
Твоих.

Мнѣ стыдно громко молиться
И стыдно об этом говорить.
Хочется куда-нибудь укрыться,
Обо всем забыть.

Чулан ли, заброшенный садик,
Или жаркій чердак...
Чтобы все осталось сзади,
А впереди был бы новый знак.

Мнѣ стыдно признаться во многом,
Но когда-нибудь я пойду
Туда, гдѣ отмѣченные Богом
Зажигают восковую звѣзду.

Молиться, молиться, быть может
Чѣм тише, тѣм лучше мнѣ.
Я думаю, мнѣ кто нибудь поможет
Найти любовь въ огнѣ.

Можно выйти из тѣла,
Точно изъ комнаты, заперев дверь,
И пойти въ глубь лѣса смѣло
И сказать: Подойди, звѣрь!

Можно взять лапы медвѣжьи
И к ним припасть.
И с людьми встрѣчаться рѣже
И цѣловать пасть.

Будут вѣтки хрустѣть звучно,
Ноги заплетаться во хму.
Нѣт! Не будет никогда скучно
Преклоняться стиху.

Можно выйти из тѣла,
Из проклятой комнаты, заперев дверь на крючок,
И устроить жизнь умѣло
Так, что позавидует даже беззаботный сверчок.

Я ненавижу тѣло бренное,
Я сердце злое не люблю.
Пусть жизнь берет меня аренная;
Молчу. Прощенія молю.

И свист бича, как обжигающій,
Как изнуряющій огонь.
Вот я, больной и умирающій,
Цѣлую бѣлую ладонь.

Во мнѣ смѣется сердце грубое,
Во мнѣ поет шальная кровь.
Картонныя цѣлую губы я
И нарисованную бровь.

Горит, горит свѣча недвижная.
Сильна прижатая рука,
Ах нѣт, не выдуманно-книжная
Моя зажженная тоска!

Я ненавижу тѣло сочное,
Изгибы рук, изгибы ног,
И вот сознательно, нарочно я
Свое мученіе зажег.

Пусть будет вечер с тихой ласкою,
Пусть будут очи, как огонь.
Лицо закрою блѣдной маскою
И прикушу свою ладонь.

Отвѣтить я не сумѣю
На прямой, твердый вопрос.
Лишь возьму, обниму за шею
И пролью бѣлоструйность слёз

И на длинныя, хмурыя рѣчи
Я открою большіе глаза.
Задрожат и запрыгают плечи
Потому, что въ душѣ гроза.

За старческой дряхлой рукою
Разутый, разбитый пойду.
Быть может, как старец, открою
Сокрытую въ тучах звѣзду.

И если жесток перекресток
Двух бѣлых, двух тихих дорог,
Я буду стоять, как подросток,
Который отъ горя продрог...

И, взявши цвѣточную руку,
Припавши къ цвѣточнымъ губам,
Я тихую, гордую муку
Беззвучно, безслезно отдам.

Враг! Слово Враг! Сколько муки
В нем. Сколько ужаса в словѣ Враг.
Поцѣлуйте растянутыя руки
И примите изъ крови знак.

Пусть безумно и страшно будет,
Пусть разумники кричат:—Идіот—!
Помолиться бы о прошлом чудѣ,
Пока не выступит теплый пот.

Враг! Слово Враг! Сколько звуков,
Сколько звуков в сочетаніи букв.
Я не помню желѣзнаго стука,
И ослабѣвших я не помню рук!

И вот только помню: поцѣлуй-послѣдній;
И вот только вижу: блѣдный лик.
И крик: жалкій привередник,
Молодой старик!

Враг! Слово Враг! Сколько мыслей,
Сколько мыслей и сколько мук.
Пусть к кликушным я буду причислен,
Вот поцѣлуй мой,—жестокій друг!

Прости, Господи, мои грѣхи,
Прости, Господи, темныя мысли,
Отгони эти тучи, что повисли
Над головой, гдѣ ютятся грѣхи.

С каждым днем грубѣе, хуже
Становлюсь, как камень, как пень,
Укажи мнѣ, Господь, ступень,
Гдѣ бы мои муки были уже.

Мое сердце, как злой король,
Всемогуще и безотвѣтно.
Я зову Тебя, повторяю несмѣтно,
Прикоснуться к Тебѣ позволь.

Распластайте меня на стѣнѣ,
Груз горячій к ногам привяжите,
Проводите по голой спинѣ
Раскаленно-желѣзныя нити;

А потом воспалите глаза
И обрѣжьте усталыя губы,
И скажите: с тобой, егоза,
Мы еще недостаточно грубы.

А когда, захрипѣв, потяну
К отдаленному образу шею,
Не давайте могильному сну
Отхватить боевую траншею.

Сняв безкровное тѣло, в кровать
Уложите, закутавши шалью.
И заботьтесь, какъ старая мать
И проникнитесь даже печалью.

Но когда затрепещет едва
Пламя жизни, едва пробужденной,
Говорите хмѣльныя слова
О любви, о любви пригвожденной.

И потом, взяв за ноги меня,
Завертите въ изысканной пляскѣ,
И орите о радостях дня
И о дѣвственной, трепетной ласкѣ.

Затомив изможденную плоть
В безконечно крутящемся вертѣ,
Начинайте сжигать и колоть,
Ждя пришествія радостной смерти.

Казни меня, казни пренебреженьем!
Я муки горкія готов принять твои,
И для тебя готов самосожженьем
Окончить жизнь под знаменем любви.
Казни меня, казни пренебреженьем!

Пусть Огнь души страданья опалит
И будет яростнѣй и громче подниматься,
Глаза мои, как нѣжный малахит
Не будут тихою печалью замыкаться.
Пусть Огнь души страданья опалит.

Я—раб, незнающій и жалкій.
Я—тѣла блѣднаго комок.
Удар приму от злобной палки
Дрожа от головы до ног.

Пусть будут яростны удары
Пусть тѣло бьется, как змѣя.
Достоен мук, достоен кары
Достоен слез и крови я.

Одно лишь слово понимаю,
Одну молитву лишь творю
„Сгорѣть“, но сердцем не сгораю
А только медленно горю.

Вижу желтыя искры и плачу,
Далеко, далеко до конца.
И не скоро еще обозначу
Душу свѣтлым сіяньем вѣнца.

Будут искры и море нѣмое
Золотого, святого дождя,
А в груди это сердце пустое
Затихает. Безмолвствую я

И зову. И прошу окончанья.
Путь, как нить телеграфная строг,
И лежу затаивши рыданье
У твоих осязаемых ног.

Въ сторонѣ иду и хватаюсь
За деревья, за вѣтки, за кусты.
Я многого не понимаю,
Не люблю долгой версты.

А идти надо. В движеньи
Вѣтер сильнѣй и острѣй.
Иногда у меня головокруженье
Иногда—видѣнье морей.

Но все это право не к дѣлу,
Кто душу мою размѣнял?
Мнѣ оставил черную, а бѣлую,
Завернувши в фартук—взял...

Жгучій стыд, до боли, до униженья,
Крик сдавленный, удар и боль!
Мысли, плачи без звука, без движенія
Я ненавижу свою роль.

Ужасная, убивающая середина!
Не очень хорошій и не очень плохой.
С сантиментальной душой арлекина
И с игрушечной сохой.

Ах, куда мнѣ, куда склониться
И кому, кому сказать,
Что всѣ лица, всѣ лица, всѣ лица
Отразили ужасную печать.

Жгучій стыд до боли, до униженья,
И обжигающій крик кнута.
Мои мысли, мои крики без движенья
И головокружительна моя мечта.

Мое сердце еще не достаточно ка́менно,
Но я окаменѣнія хотѣл,
Чтобы кровь не горѣла пламенно,
Чтобы за других я не болѣл.

И когда я вдруг внезапно расчувствуюсь
И помочь безкровным хочу,
Я в сердцѣ не каменном чувствую
Дрожаніе, приближеніе к лучу.

И молитвой когда неумѣлою
Обращаюсь к Тебѣ, мой Бог,
Я тоскою безмозглой, безтѣлою
От доброcти твоей далек...

А потом, склонившись к желѣзному
Или каменному столбу,
Я цѣлую немного грязную
Порыжѣвшую трубу.

Я убил залетѣвшаго в щели,
Залетѣвшаго в щели жука,
И потом на измятой постелѣ
Я без жизни, без мысли, без цѣли
Больно сдавливал жилы виска.

Он был вредный, жестокій, опасный,
Но он жил, он шумѣл, он жужжал.
Ах, зачѣм я комок желто красный
Съ отвращеньем, со злобой напрасной
Завернувши в бумагу держал?

А потом, позабыв свои бредни
С постной миною нищему грош
Протяну, возвращаясь с обѣдни,
Как наглец, как обманщик послѣдній!..
Боже правый! Простишь ли? Поймешь?

Цѣловать нарисованныя ноги
И думать и не думать в этот миг,
И берег видѣт пологій
И прятать в полотно свой лик.

Может быть это лучше, чѣм плакать,
Чѣм кричать хрипло: караул!
Запретит ли Он желѣзом звякать
И ненавидѣть людской аул?

Я не знаю. Сонно. Пусто.
Гдѣ-то в дальнем гудит паровоз.
И размякли, всѣ мысли и чувства
И зазвенѣли стекляшки слез.

Я хотѣл бы, взяв руку и положив
Ее себѣ на грудь, заплакать
Мой Господи! Я еле жив,
Я, как снѣг растаявшій, как слякоть

Я изолгавшійся, уставшій крот,
Ненавидящій блеск алмазный!
Ты видишь, как змѣится мой рот,
Какой я грязный?

И сердце... но есть-ли оно?
И голос. Боже! Поймеш-ли?
Почему, я, как темное дно,
Почему я такой нехорошій?

Я пробовал, молился, жег
Свою душу, свою кровь, тѣло,
Но дух мой любить не мог
И плоть моя не горѣла.

Теперь—равнина путь.
Все прямо, без извилистых точек.
О, Господи, подыши мнѣ на грудь
И пошли на меня вѣтерочек.

Я оградил себя от будеи,
И поднял душу в синеву.
Пусть сон застывших непробуден,
Я пламя встрѣчу наяву.

И душу хмурую, какъ вечер,
Зажгу сжигающимъ лучом,
И электрическія свѣчи
В ней вспыхнут яростным мечом.

Забыть бы прошлое, узнать-бы
Какъ будетъ звонокъ новый шагъ,
Как обрученные в день свадьбы
Волнуюсь, жду завѣтный знак.

И феерическія пѣсни
И гимны слышу наяву...
Моя душа! Сквозь Огнь воскресни
И воплотися въ синеву.

Себя ударить мнѣ жалко,
Я такой нѣжный и голубой;
Да и не послушается палка,
Обструганная тобой.

Но вот подойдешь ты дорогой,
Которой я навстрѣчу шел.
И вспомню я карающаго Бога
И вспомню вершины зол.

Теперь твой удар ужасен,
И не сладок и не могуч.
Ты видишь—мой взгляд стал ясен;
Еще камней навьючь!

Быть может станет легче,
А может быть и тяжелѣй,
Я предчувствую свой поздній вечер.
Ударь! Приласкай! Согрѣй!

Ах, не надо звонких и колючих
И безпощадно ужасныхъ слов.
Пусть на небѣ вытанцовывают тучи,
Постукивая гвоздиками каблуков.

Мнѣ не куда устремиться и заплакать,
Хочется быть малюсеньким совсѣм;
Вымазаться чернилами, лаком
И не рѣшать жизненных теорем.

Ах, не надо жестокостей и уколов—
Я изнервничался, дайте мнѣ покой.
Вокруг, будто осенью, все голо
И нельзя побесѣдовать с сочувствующей душой.

Довольно наркотическихъ откровеній
Довольно играть с огнем.
Гдѣ нибудь в сыром подвалѣ стать на колѣни
И без дум, без слез, без мученій
Кончить со вчерашним днем.

Типо-литографія Т-ва „СВѢТЪ". СПБ., Невскій просп., д. 136.

1913

Издательство „Петербургскій Глашатай“ И. В. Игнатьева
(СПБ., 27, 6-я Рождественская) обнародываетъ:

Эдиціи Издательства:

И. В. Игнатьевъ—„Около Театра“
Василискъ Гнѣдовъ—„Гостинецъ Сентиментамъ“
П. Широковъ—„Розы въ винѣ“
Альманахи Эго-Футуристовъ:
„Оранжевая Урна“, „Стекляныя Цѣпи“.
„Орлы надъ пропастью“,
„Дары Адонису“ и „Засахаре Кры“,—

РАСПРОДАНЫ:

Книжни:

Вольфъ—18, Гост. Дворъ.
Карбасниковъ—19, Гост. Дворъ.
Лебедевъ—21, Литейный пр.
Мелье—20, Невскій пр.
Митюрниковъ—31, Литейный пр.
„Новый Путь“—51, Литейный пр.
„Сѣверная Лира“—2, Владимірскій пр.—
Ясный—66, Невскій пр.,—СПБ.

Представители:

Москва—„Наука“—10, Б. Никитская.
Харьковъ—Т. Д. „А. Г. Дредеръ“. 21, Московская ул.
Воронежъ—В. Б. Лехно—36, Алексѣевская ул.—
Кіевъ—Н. Я. Оглоблинъ—33, Крещатикъ.

Продаютъ:

П. Широковъ—„Въ и Внѣ“—Поэзы. П. 50 к.
Василискъ Гнѣдовъ — „Смерть искусству“—15 поэмъ съ пресловіемъ Ивана Игнатьева—30 к.
„Бей, но выслушай!“—VI альманахъ Эго-Футуристовъ—50 к.
„Всегдай“—VII альманахъ Эго-Футуристовъ—65 к.

Открытки:

Портретъ Ареопага Ассоціаціи Эго-Футуризмъ
„ И. В. Игнатьева.—
у Аванцо и К°—3, Невскій пр.
Б. Аванцо—9, Морская ул.
Антонова—16 }
Тапкина—14 } Загородный пр.
Юделевича—22 }

Цѣна 50 к.